

этого нельзя сказать о главах, в которых речь идет о деньгах, формах управления, религии. Липс руководствуется в общем хорошей идеей, доказывая, что у «дикарей» уже есть многое из того, что есть сейчас у европейцев и американцев. Но когда он утверждает, что и «простодушные дикари» сталкивались с финансовыми проблемами, что кредитный билет мало чем отличается от раковины каури (стр. 208), он, помимо своего желания, следует по пятам тех горе-теоретиков, которые пытаются доказать извечность капиталистических отношений.

Трудно в краткой рецензии дать представление о таком достоинстве книги, как обилие и новизна этнографических фактов, любовно подобранных автором с целью доказать, что хотя древние изобретатели и создатели человеческой культуры остались безмянными, «по для человеческого благополучия они сделали больше, чем современные политические деятели» (стр. 14). Читатель наглядно и зачастую не без удивления убеждается, какой огромный вклад в сокровищницу мировой культуры внесли эти так называемые «первобытные народы» (так их называет подчас и сам Липс).

К сожалению, культурные богатства этих народов еще плохо изучены и поняты. Именно поэтому автору, а также (в примечаниях) и редактору русского перевода не всегда удалось дать убедительное объяснение тех или иных этнографических явлений (см., например, стр. 21 — о возникновении прямоугольных домов; стр. 274 — о мужских и женских союзах).

Перевод выполнен хорошо, всюду точно передается мысль автора и сохраняется особенность его стиля. Можно упрекнуть редактора в том, что он дает подчас примечания там, где они не нужны (стр. 20; на стр. 21 Липс говорит примерно то же самое, о чем идет речь в примечании), и не дает там, где они необходимы (стр. 326, где Липс пишет, что «разделение общества на сословия происходило обычно в результате завоевания одного племени другим»).

Книга Липса представляет интерес как для неподготовленного читателя — в ней все для него понятно, так и для специалиста — в ней много новых материалов, в том числе и собранных самим автором в экспедициях по Африке и Северной Америке. К сожалению, Липс не дает ссылок на использованные им литературные источники. Но этот недостаток книги отчасти возмещается обширной библиографией зарубежной и русской литературы. Книга снабжена также географическим, этническим и предметным указателями, словарем местных слов и указателем мифологических имен.

Н. А. Бутинов

R. L. Beals and H. Hoëer, *An introduction to Anthropology*. New York, 1954.

Рецензируемая книга представляет собой вводный курс в этнографию и антропологию для студентов высших учебных заведений. Написан он двумя профессорами-этнографами Калифорнийского университета в США — Ральфом Биислом и Гарри Хойджером. Учебник состоит из двух частей: в первой излагаются основы антропологии, во второй дается, по существу, история первобытно-общинного строя.

В главе 2 кратко изложены основы классификации животного мира, эмбриологические и палеонтологические доказательства эволюции, основы геологической хронологии. Глава 3 посвящена основам генетики, изложенным с позиций менделизма. К евангелике авторы относятся резко отрицательно, указывая, что развитие всех наследственных свойств протекает под воздействием внешней среды и что критерий для разграничения социально желательных или нежелательных индивидов определяется существующими в данном обществе идеалами. В главе 4 описаны основные расовые признаки.

Глава 5 называется «Ископаемый человек и расовая история». Древнейшими гоминоидами, следуя за Ф. Вейденрейхом, авторы считают яванского мегантропа и гигантопитека, которого называют гигантантропом. Советские антропологи, как известно, отвергают эту точку зрения на гигантских антропоидов Юго-Восточной Азии, полагая, что это весьма специализированные виды, которые позднее вымерли подобно почти всем гигантским формам позвоночных. Австралопитековых обезьян Южной Африки авторы, в соответствии со взглядами большинства антропологов, не считают возможным рассматривать как предков человека, основываясь на их позднем геологическом возрасте. В вопросе о филогенетических взаимоотношениях людей неандертальского и современного вида авторы стоят на ошибочной позиции большинства зарубежных антропологов и полагают, что человек современного вида развивался параллельно и независимо от неандертальца. Не считая возможным основываться на пильтдаунской находке, всегда возбуждавшей ту или иную долю сомнения у многих антропологов (ко времени печатания книги еще не было известно, что это подделка), авторы привлекают для доказательства черепа из Галлей-Хилла и Лондона, что нельзя признать убедительным: возраст этих находок — позднелайстоценовый или в крайнем случае неопределенный. Другие две находки — Сванкомб и Фонтешевад, на которых также основываются авторы для доказательства одновременности существования современного и неандертальского человека, также не могут служить аргументом; советский антрополог Я. Я. Рогинский ясно показал, что по важнейшим диагностическим признакам оба черепа должны

быть отнесены к числу неандертальских. Работы Я. Я. Рогинского авторам, повидимому, не известны.

Современным человеческим расам посвящена глава 6. Как и большинство современных антропологов, авторы придерживаются тройного деления больших рас: кавказоиды, монголоиды, негроиды. Морфологическая характеристика их начинается с формы головы, что нельзя признать удачным методом изложения. Важнейшие признаки, относящиеся к волосяному покрову и пигментации, оказались на пятом и шестом месте.

В составе кавказоидов выделена группа «архаических» рас: айны, австралийцы, дравиды и ведды. Трудно согласиться с этой попыткой восстановления взглядов Гексли. Родство австралийцев с африканскими негроидами все же больше, чем с европейцами. Далее выделяется группа «первичных» рас: альпийская, арменоидная, средиземноморская и северная. При описании северной расы авторы не придерживаются «академической беспристрастности» и указывают на ложность расистских взглядов. В результате смещения «первичных» рас образовались «вторичные»: динарская (от смещения арменоидной и северной), восточнобалтийская (от смещения альпийской и северной рас с азиатскими монголоидами) и полинезийская (результат смещения древних средиземноморцев с океанскими негроидами и монголоидами).

Монголоиды делятся на азиатских, индонезийско-малайских и американских — схема вполне приемлемая. О генетических взаимоотношениях монголоидных рас авторы не высказываются.

Негроидные расы делятся на первичные и вторичные. К первичным относятся «лесные негры» Западной Африки и негритосы — африканские и океанские. Ко вторичным — бушмено-готтентоты, образовавшиеся в результате смешения древнего негроидного варианта с негритосами и какой-то расой монголоидного облика; нилоты, испытавшие влияние средиземноморской примеси и включающие восточных банту, а также, судя по карте, мальгашей(?); океанские негры, смешанные с монголоидами(?).

Резюме этой главы представляет собой обзор расового состава населения по большим географическим областям.

Изложение ясное, не перегруженное деталями и дающее вполне отчетливое представление об антропологическом составе населения земного шара. Спорные вопросы, частью отмеченные выше, неизбежны, следовало бы только более отчетливо отделить дискуссионные проблемы от общепринятых положений. Заслуживает внимания выделение «архаических» рас. Антирасистская направленность всего содержания книги исключает как будто возможность понимания «архаических» рас как «нижних» в эволюционном смысле. Очевидно, что речь идет о древних формах, сохранившихся в условиях относительной изоляции. В советской антропологии распространено представление о типе американских индейцев как о древней или, если угодно, «архаической» форме монголоидной расы. Однако о таком понимании «архаических» рас можно лишь догадываться. Авторы, к сожалению, не останавливаются подробно на этом вопросе, что может дать повод для неверного толкования.

Глава 7, являющаяся переходной ко второй части учебника, направлена против всякого рода расовых предрассудков и расистских концепций, которые широко распространены в США. Авторы подчеркивают, что умственные способности человека не зависят от расы, а определяются социальной средой и воспитанием, что так называемая «неполноценность» негров в США выдуманная господствующим классом. Они призывают к ликвидации расовой дискриминации.

Одной из наиболее слабых частей книги является глава 8, в которой авторы без критики излагают бихевиористские концепции культуры Клюкхона, Оплера, учение о «моделях культуры» Бенедикт. Принимая определение культуры Клюкхона как абстракции из поведения людей, авторы подводят своих читателей к идеалистической трактовке культуры, говоря, что материальное производство это не культура, а конечный продукт ее, явление вторичного порядка, а абстракция — культура — это первичное. Изложением же материала в учебнике они опровергают фактически это положение, показывая первостепенное значение развития материального производства как основы всего развития общества.

Авторы ставят вопрос о коренном отличии человека от животного, говоря, что животное только пользуется природой, человек же ее переделывает; животные иногда пользуются орудиями, человек же их развивает и совершенствует, отличает человека от животного и язык. Такая постановка вопроса перед студентами имеет важное значение, если учесть, что биологизация человеческого общества, стремление стереть грань между животным и человеком является основой всякого рода современных реакционных построений американских психорасистов.

Главы 9—20 по существу посвящены истории первобытно-общинного строя по следующим темам: материальная культура и хозяйство, социальная и политическая организация, религия, язык, искусство. Показывая поступательное развитие человеческого общества в целом, авторы иллюстрируют свои положения материалом конкретных обществ, которые берутся, однако, статически, такими, как они были найдены и описаны первыми европейцами.

В главе 9 («Техника») авторы прослеживают историю развития техники производства орудий труда от палеолита (нижнего, среднего и верхнего) через неолит до века металла, сопоставляя данные археологии и этнографии. В главе 10 описываются спо-

собы производства пищи. Авторы различают два вида добычи пищи: 1 — использование естественных ресурсов: собирательство, охота и рыболовство и 2 — производство пищевых ресурсов: скотоводство и земледелие.

Рассматривая различные виды добывания средств существования у первобытных народов, авторы косвенно опровергают теорию дологической или мистической стадии в развитии их мышления. Авторы пишут, что изучение орудий и способов охоты свидетельствует о рациональном их совершенствовании и приспособлении к условиям окружающей среды. В главе 11 дается обзор типов одежды и изготовления материала для нее, форм жилища и транспорта. В главах 12 и 13 авторы излагают распространенные в буржуазной науке теории об изначальности моногамной семьи и моногамного брака, говоря, что первичной или элементарной семьей является семья моногамная. Они оспаривают моргановскую концепцию истории семьи и отрицают изначальность родовой организации. Наряду с этим авторы высказывают верные положения о том, что отношения родства — это не биологически, а культурно определяемые взаимосвязи между людьми, и этим человеческая семья отлична от семьи животных.

Характеризуя брак как социальный, а не биологический институт и указывая на социальные причины происхождения брачных норм как средства сохранения и укрепления сотрудничества внутри общины и между общинами, авторы определенно высказываются против биологического и психологического объяснения брачных запретов.

Не ставя вопроса о первичности материнского или отцовского рода, они высказывают интересные суждения о причинах существования матрилинейного и патрилинейного счета родства, матрилокальности и патрилокальности браков в том или ином обществе. Счет родства и локальность браков, указывают авторы, зависят от того, мужской или женский труд является решающим в экономической жизни данного общества.

В главе 15 освещаются вопросы происхождения и форм политической организации и государства. Основу развития политической организации авторы видят в территориальном объединении неродственных групп. Но они игнорируют значение классового деления общества как основного фактора возникновения государства.

В главе 16 прослеживаются формы религиозных верований у различных народов мира. Первоначальными формами религиозных верований авторы считают веру в «мана» и анимизм. Они отвергают теорию первоначального единобожия патера Шмидта, отмечая, что оно отсутствует у всех бесписьменных народов. Усложнение религиозных представлений они ставят в связь с развитием техники, появлением избыточного продукта и разделением труда. В обществах, не достигших этого уровня развития, говорят авторы, жречество и организованная религия отсутствуют. Авторы подходят к вопросу о преходящем характере религии, указывая, что с развитием техники и накоплением точных знаний область «священного» все более уступает место «мирскому». Однако, дав верное объяснение возникновения жречества и духовенства, они не показывают его классовую сущность.

В главе 17, посвященной языку, авторы отмечают, что языки примитивных народов не менее развиты и не более примитивны, чем языки цивилизованных народов. Нет языков «высших» и «низших». Авторы высказываются против бытательского мнения об ограниченности слов в первобытных языках: в языке столько слов, сколько необходимо данному обществу. Они возражают против теории Марра, отмечая, что звуковая, а не кинетическая речь является древнейшим средством общения людей. В то же время авторы допускают ряд фактических ошибок при изложении общепринятой классификации языков народов мира. Среди славянских языков они не упоминают украинского и белорусского. Наряду с карельским языком отмечаются «олонецкий» и «лытоцкий», тогда как это только говоры карельского языка. Языки народов Кавказа авторы относят к «малонизвестной» группе.

В главе 18 много внимания уделено вопросам искусства бесписьменных народов. На основе богатого фактического материала авторы подводят читателей к следующим верным положениям: нет общества, не имеющих искусства, оно является частью культуры с самых ранних этапов развития человеческого общества, произведения искусства не являются продуктом индивидуального труда художника или группы художников, они — продукты культуры данного общества в целом.

Глава 19, посвященная вопросам воспитания и формирования личности у различных народов, направлена против психорасистских построений Мид, Бенедикт, Дюбуа, Кардинера, пытающихся объяснить культуру и общество моделями поведения «основной личности». Авторы указывают, что лежащий в основе такого подхода к изучению общества метод психоанализа дает пока результаты только при лечении больных в клиниках. Личность формирует культура, а не ее психофизиологические особенности. При этом авторы подчеркивают, что «ни одному обществу не удалось свести всех своих членов к одному типу личности» (стр. 597). В заключение они отмечают, что остановились на этих вопросах для того, чтобы студенты сумели ориентироваться при встрече с работами Мид, Бенедикт, Дюбуа и Кардинера. Авторы указывают на классовый характер воспитания в «сложных бесписьменных обществах» (Перу) и в современном капиталистическом обществе.

Рассмотрев, таким образом, все стороны культуры, авторы в главе 20 переходят к наиболее спорной проблеме современной буржуазной этнографии — проблеме развития человеческого общества, или, как выражаются авторы, «проблеме культурных

изменений». Они критически излагают существующие в буржуазной этнографии концепции развития культуры и общества. Теорию культурной эволюции Моргана они характеризуют как «первое подлинно научное учение о проблемах этнографии» (стр. 606). Отмечая, что культурный эволюционизм и теперь жив, авторы излагают и критикуют школу Боаса, американскую теорию культурных ареалов, английских диффузионистов и культурно-историческую школу Гребнера-Шмидта, указывая, что все они были реакцией против эволюционизма. Функциональную школу и связанные с ней течения авторы справедливо критикуют за антиисторизм и биологизацию функций культуры. Работы Стюарда, Гордона Чайльда и Лесли Уайта авторы рассматривают как современные исследования в области культурной эволюции. Считая Уайта наиболее последовательным эволюционистом, они отмечают его заслуги в том, что он вновь поднял перед современной наукой забытые были идеи Моргана, уточнил их, показал, что критика Моргана основана не на фактах, а на заблуждениях. Сами авторы идею культурной эволюции считают только одним из подходов к изучению культуры, отмечая, что в современной этнографии многие проблемы, как, например, проблемы аккультурации и прикладной этнографии, требуют иного подхода.

Последняя, 21-я глава посвящена характеристике этих проблем. Авторы высказываются против «прикладной антропологии» как применения этнографических знаний в колониальном управлении и в промышленности, считая такое использование науки неэтичным и отмечая, что этнографы в этих случаях превращаются в проводников политики администрации и перестают быть учеными. По мнению авторов, прикладная этнография призвана руководить культурой, но пока что для этого накоплено недостаточно знаний, и всякие попытки в этом направлении могут повести к гнусной практике нацистской Германии.

В заключение характеризуется положительная роль этнографии в современных международных отношениях, особенно в том, что она вскрывает необоснованность расизма (называемого авторами «этноцентризмом»). В качестве яркого примера такого «этноцентризма» авторы приводят насильственную американизацию оккупированных стран (стр. 640), которая проводится, как выражаются авторы, с миссионерским фанатизмом. Они высказываются против пропаганды «американского образа жизни», указывая, что должно «признать право человека на его собственную культуру». Задачей этнографа является «воспитание уважения к культуре других народов и помощь им в приспособлении к современному промышленному веку на основе их собственных, а не наших условий» (стр. 642).

Как показывает материал книги, авторы ее являются сторонниками прогрессивных традиций буржуазной науки. На всем протяжении работы они убеждают читателя в антинаучности всякого рода расистских концепций и попыток биологизации общественных явлений, отвергают реакционные теории о дологическом мышлении первобытных народов, об изначальности единобожия и пр. На страницах учебника, в котором по существу излагается история первобытно-общинного строя, нет «примитивных» племен, а есть «бесписьменные» народы, различающиеся между собой уровнем развития техники. Авторы прослеживают главные этапы развития человеческого общества в целом, что особенно наглядно вырисовывается в главах о технике, экономике, политической организации; в них показана причинная взаимосвязь между различными сторонами культуры и отмечается важнейшее значение развития производительных сил для развития всей культуры данного общества. Авторы добросовестно знакомят своих читателей с современным состоянием буржуазной этнографии, указывая на положительные и отрицательные стороны различных школ и течений в науке, правильно критикуя реакционное психорасистское направление в современной американской этнографии. Однако нельзя сказать, что сами авторы вполне свободны от влияния некоторых таких школ и течений. На терминологию их отразилось сильное влияние бихевиористской социологии, и очень часто в книге смысл по существу верных положений затемняется рассуждениями о типах и моделях поведения. Авторы некритически принимают идеалистическую концепцию культуры Клюкхона, опровергая ее фактически всем изложенным материалом в учебнике. История семьи и брака рисуется ими по Мордоку («Social structure»), и в этом вопросе они критикуют положение Моргана. Кажется странным, что авторы ничего не говорят о советской школе в этнографии, о культуре народов СССР. На карте упоминаемых в учебнике народов на огромной территории СССР стоят только три кружка; это значит, что на страницах учебника в 600 с лишним страниц имеются упоминания только о трех народах Советского Союза.

Но, несмотря на эти и другие недостатки, учебник Биилса и Хойжера своей антирасистской направленностью и критическим отношением к реакционным течениям в науке и политике представляет собой несомненно положительное явление в современной американской этнографии.

Ю. Аверкиева, Г. Дебец